
«КАНИКУЛЫ
В КАМУШКАХ»
Ярослав Тамберг

Ярослав Тамберг
Каникулы в Камушках

https://litres.ru/74965264
SelfPub; 2026

Аннотация

Для шестнадцатилетнего москвича Егора Саврасова поездка в глухую тульскую деревню Камушки — настоящая ссылка. Вместо кондиционера, безлимитного интернета и ночных марафонов за PS5 его ждут оцинкованные вёдра у старой чугунной колонки, раскалённая теплица с помидорами и строгая бабушка Евгения Константиновна, бывший директор школы.

Однако за пыльными просёлочными дорогами скрывается совсем другая жизнь. Здесь по вечерам поют под гитару стихи Цветаевой и песни «Перемотки», спорят до хрипоты о смысле жизни у лесного костра, танцуют в сельском клубе под Шатунова и учатся настоящей дружбе, где слова проверяются делом. И когда в привычной компании появляется невысказанная симпатия, Егору предстоит сделать самый сложный выбор — не в виртуальной игре, а по-настоящему.

Тёплая, ироничная и светлая история о лете, которое не хочется начинать, но невозможно забыть.

Содержание

Каникулы в Камушках 4
Эпиграф 4
Пролог 5
Глава 1 7
Глава 2 12
Глава 3 27
Глава 4 41
Глава 5 63
Конец ознакомительного фрагмента. 72

Ярослав Тамберг
Каникулы в Камушках

Каникулы в Камушках

Эпиграф

Знаешь, наше солнце взойдёт на рассвете
— Ярче и светлей, чем ты можешь поверить.
Видно, этот мир отдан людям беспечным,
Кто просто с ним играет в лучах и в метелях.

Пролог

В начале июля Камушки выглядели так, словно время здесь остановилось ещё лет двадцать назад и с тех пор никуда особенно не спешило. Над пыльной просёлочной дорогой лениво кружили слепни, у старой чугунной колонки на перекрёстке поблёскивала невысыхающая лужица, а возле магазина тёти Наташи двое местных парней в выцветших футболках в сотый раз перебирали карбюратор старенькой «шестёрки».

На бетонных плитах за пустырём, где сквозь трещины упрямо пробивалась полынь, сидели четверо. Олег с привычной небрежностью поправлял обильно залитый лаком ирокез-гребешок и крутил в пальцах травинку, стараясь выглядеть старше и загадочнее, чем был на самом деле. Рядом с ним невозмутимо молчал Серёга, лениво потягивая лимонад прямо из пластиковой бутылки. Люда без умолку тараторила о какой-то новой сплетне из соседнего посёлка, а Вика тихо улыбалась её рассказам, глядя на оранжевый закат, медленно опускавшийся за крыши деревенских домов.

Никто из них тогда ещё не знал, что уже завтра из Москвы сюда приедет шестнадцатилетний парень в сиреневых «конверсах», который перевернёт их привычный, размеренный мирок с ног на голову.

А в это самое время за двести километров отсюда, в про-

сторной трёхкомнатной квартире на Тверской, Егор Саврасов с мрачным, почти трагическим видом утрамбовывал в небольшой чемодан стопку футболок, худи и пару толстых тетрадей. В наушниках тихо играла «Перемотка», за окном гудела вечерняя Москва, а впереди маячило целое лето в тульской глуши — без безлимитного интернета, без ночных марафонов за приставкой и без единого шанса на хоть сколько-нибудь интересное событие.

Егор застегнул молнию чемодана, поставил его у двери, закинул сверху набитый до отказа рюкзак и завалился спать, с тоской думая о предстоящем раннем подъёме и утренней «Ласточке» до Ясногорска. Всю дорогу до постели он тяжело вздыхал и искренне жалел себя: он был твёрдо уверен, что эти каникулы станут самыми пустыми и скучными в его жизни.

Ошибался он ровно во всём.

Глава 1

— Ма-а-а-ам, — драматично пробасил Егор, растекаясь по ковру. — Я умираю…

— Хватит клоунадить, собирайся давай, — отрезала Ольга Егоровна, даже не повернув головы.

— Не могу! У меня давление шестьдесят на тридцать, всё, конец…

— Сейчас у меня давление будет шестьдесят на тридцать из-за тебя! Хватит мать доводить. Вставай с паласа, всё равно не отвертишься.

Обречённо вздохнув, Егор кое-как оторвал себя от ковра и поплёлся на кухню, чтобы продолжить спектакль уже с полной самоотдачей.

— Ольга Егоровна, вы изувер! Вы хоть понимаете, что творите над представителем поколения альфа? Я — человек, измученный комфортом, убаюканный безлимитным интернетом и выросший в тепличных условиях!

— Вот, кстати, о теплицах: у бабушки её как раз нужно починить. Поможешь.

— Я не могу! Я не умею, у меня лапки, ручки слабенькие!

— Научишься. На крайний случай спросишь у своего ии.

— Ма-а-а-ам…

— Ничего не хочу слышать, Егор. Мы договаривались? Договаривались. Девятый класс без троек. А у тебя их в ито-

ге шесть!

— Ну не шесть, а пять! — ввернул он с надеждой.

— Сути это не меняет. Ты поедешь к бабушке в Камушки.

Небольшой чемодан и набитый до отказа рюкзак отправились в багажник «Рено», и мать с сыном взяли курс на Казанский вокзал.

Всю дорогу Егор тяжело, почти трагически вздыхал, прижавшись лбом к прохладному боковому стеклу и всем видом изображая глубочайшую экзистенциальную кручину. Ольга Егоровна то и дело бросала на сына тревожные взгляды в зеркало заднего вида. Материнское сердце сжималось: как её птенчик доедет совсем один на электричке до Ясногорска? Там его, конечно, должна была встретить бабушка — Евгения Константиновна, а оттуда им предстояло на такси добраться до Камушек. Но всё равно — один, в поезде…

Егор был ребёнком поздним и долгожданным. Ольга родила его, когда ей уже перевалило за тридцать, и с тех пор они с мужем, Алексеем Фёдоровичем, души в нём не чаяли. Сын буквально купался в родительской любви и комфорте: свежие игровые приставки, новенькие айфоны, летние каникулы в Греции и Испании, шумящие трибуны в Манчестере на матчах его любимого «Манчестер Сити»… И ведь Егор платил за это взаимностью — по крайней мере, в учёбе. Звёзд с неба не хватал, но держался крепким, уверенным хорошистом.

Всё поползло по шву с восьмого класса. Возраст взял своё:

интерес к учёбе угасал на глазах, а редкие домашние просьбы встречали всё больше сопротивления. Именно поэтому на семейном совете Ольга и Алексей приняли волевое решение: отправить сына на перевоспитание в Камушки. Пора бы уже узнать, как выглядит самостоятельность за пределами Wi-Fi покрытия.

Машина остановилась у здания вокзала. Ольга Егоровна решительным шагом направилась к перрону, пока Егор плёлся сзади, словно каторжник на эшафот, еле заволакивая ноги.

— Мам, а мне точно не полагается эскорт? — протянул он с надеждой.

— Не полагается. Быстрее, Егор, а то опоздаем!

— А вдруг я уеду далеко-далеко за Ясногорск?

— Дальше Тулы всё равно не уедешь. И прекрати драматизировать! Ты в огромной Москве с друзьями до одиннадцати вечера гуляешь, а тут уселся в поезд и едешь. Тем более бабушка тебя встретит.

— А вдруг не встретит? Вдруг у неё маразм или деменция? Ей же семьдесят!

— Прекрати напраслину на бабушку возводить! — строго оборвала его мать. — Она всю жизнь директором школы проработала, у неё с мозгами, слава богу, получше, чем у многих.

— То, что она бывший педагог, меня пугает ещё больше… Вдруг в её времена детей розгами пороли?

— Егор, хватит. Поедешь, проведаешь бабушку. Вы же не виделись толком лет десять.

— Мы с ней перед моей ссылкой по видеосвязи болтали! — парировал он.

— Это не считается, — отрезала Ольга Егоровна. — Видеосвязь — это не вживую.

— Может, было бы лучше, если бы она сама к нам приехала? — попытался сделать последний заход Егор.

— Ты же прекрасно знаешь, что она не поедет в Москву, сколько я её ни уговаривала. И хватит уже, ты всё равно не отделаешься от этой поездки. О, а вот и твоя «Ласточка». Всё, сынок, давай, заходи.

Мать вошла в вагон вместе с Егором, подхватила его чемодан, сверилась с билетом и усадила отпрыска на его законное место у окна.

— Так, перекусить у тебя всё есть: в рюкзаке круассан с курицей, в заднем кармане — вишнёвый сок. Давай только без клоунады, бабушку не расстраивай и не нервируй. А то знаю я тебя, шалопая!

— Ладно-ладно, мам, дальше я сам, — буркнул он, стесняясь под прицелом взглядов соседей.

Ольга Егоровна крепко обняла сына, смачно поцеловала его в щеку, а затем тут же принялась старательно стирать оставшийся след от помады влажной салфеткой. Чувства переполняли женщину, материнскому сердцу безумно хотелось забрать его обратно — в уютную, тёплую трёхкомнат-

ную квартиру на Тверской. Но разум всё же оказался сильнее. Она торопливо вышла из вагона и с грустной, щемящей улыбкой застыла на перроне, наблюдая, как сын уже надевает наушники, прощаясь с миром.

Ольга Егоровна постучала по стеклу и состроила максимально строгий взгляд, недвусмысленно намекая, что с матерью вообще-то нужно попрощаться по-человечески. Егор выразительно закатил глаза, но уголок губ всё же дернулся, и он помахал ей рукой.

Поезд мягко качнулся и медленно тронулся с места.

Глава 2

Спустя два часа «Ласточка» с легким шипением замерла у перрона станции Ясногорск. Егор вывалился из вагона со своими баулами, огляделся, но знакомого силуэта бабушки среди встречающих не обнаружил. Слегка растерявшись, он поплёлся вдоль путей и остановился возле небольшого, со времён нулевых не обновлявшегося киоска «Роспечати».

Здесь он поневоле стал слушателем крайне любопытной перепалки двух парней, выглядевших едва ли старше него самого. Выглядел этот дуэт невероятно колоритно: один — низкорослый, пухлый и по-деловому развязанный, второй — длинный, худой, словно жердь, и сонный.

— …Да это вполне конвенционально, — авторитетно заявлял толстяк.

— Чего? Может, конфиденциально? — усомнился длинный.

— Нет, конвенционально! В смысле — общепринято.

— Опять какое-то новое умное слово в интернетах вычитал?

— Ну да. Я, в отличие от тебя, вообще-то самообразовываюсь!

Егору не хотелось прерывать сочную дискуссию местных интеллектуалов, но ситуация обязывала: надо было выяснить путь до Камушек на тот случай, если бабушка действительно

забыла про свою «ссыльную» родню.

— Эм… Извините, — деликатно откашлялся Егор. — А вы не подскажете, как до Камушек добраться?

— Хм. А ты сам-то откуда, пацан? — толстяк окинул его оценивающим взглядом от брендовых кед до рюкзака.

— Из Москвы.

— Слушай, ну мы можем по-братски докинуть, тут всего километров двадцать, — мгновенно сориентировался толстый, небрежно кивнув на припаркованную неподалёку вишнёвую «Волгу».

— Ага. За три косаря, думаю, договоримся, — тут же вклинился длинный.

— Как-то это… не очень конвенционально, — ухмыльнулся Егор. — У нас в Москве такси дешевле стоит.

— Ну так то внутри города, а это — межгород! — снисходительно пояснил толстый.

— Егор! Егорушка, ты, что ли?! — раздался вдруг со стороны вокзала запыхавшийся, но бодрый пожилой голос.

Парни мгновенно выпрямились, а их вальяжный вид испарился в одну секунду.

— Евгения Константиновна, здравствуйте! — хором и подчёркнуто серьезно произнесли местный гигант и его упитанный друг.

— Привет-привет. Так, оболтусы, вы чего это — внука моего дурить собрались? — прищурилась подошедшая женщина, критически разглядывая парочку.

— Нет-нет, что вы! — замахал руками толстый. — Просто светскую беседу решили с гостем устроить!

Евгения Константиновна лишь сузила глаза, ничего не ответив на этот нелепый съезд.

— Ладно, Егорушка, пойдем, — повернулась она к внуку, и её лицо мгновенно потеплело. — Извини, бабка немного задержалась. Дай-ка я тебя хоть обниму нормально!

Егор без особого энтузиазма, скорее из вежливости, обнял бабушку. Как и любой шестнадцатилетний подросток, он терпеть не мог всех этих «телячьих нежностей», а уж тем более на глазах у всего честного ясногорского люда.

— Баб, а ты знаешь этих… индивидов? — тихо спросил он, кивнув в сторону отходящей парочки.

— Как же не знать? Тот, что длинный, — Емельянов, а тот, что коротышка, — Иванов. Мои бывшие ученики, сейчас тут в ПТУ учатся. А они чего от тебя хотели-то?

— От меня — ничего. Это я к ним первым подошёл спросить, как до Камушек доехать. Они мне и предложили трансфер. За три тысячи.

— Вот мошенники! — возмутилась Евгения Константиновна, но тут же задумчиво хмыкнула: — Хотя в целом идея здравая… Емельянов! Иванов! А ну-ка подь сюды!

Студенты профтехучилища мгновенно телепортировались обратно и встали по стойке «смирно» перед бывшим директором школы.

— Довезёте нас с внуком до Камушек?

Емельянов, морщась, почесал затылок:

— Ну, знаете, Евгения Константиновна… Бензин всё-таки нынче не бесплатный.

— Да ладно тебе! Триста рублей — и давай заводи свою тарантайку.

— Ну, нам как бы ещё и обратно возвращаться… — несмело вмешался Иванов.

— Так! Ты мне тут мозги не этовай…

— Господи, бабушка! Что за «этовай»? Ты же учитель русского языка! — фыркнул Егор.

И в первую же секунду за свои шестнадцать лет на собственной шкуре ощутил, что такое физическое наказание — а конкретно звонкий, но вовсе не болезненный подзатыльник.

— Рот закрой, пожалуйста, Егор, — строго, но абсолютно спокойным тоном произнесла Евгения Константиновна.

Наблюдавшие эту сцену Иванов с Емельяновым едва сдержали хохот, но уголки их губ все равно предательски дернулись.

— В общем так: пятьсот рублей — и баста! — отрезала бывшая директриса, а ныне боевая пенсионерка.

— Эх… Ладно, садитесь, — со вздохом уступил Емельянов и поплёлся на водительское кресло. Иванов тут же юркнул на переднее пассажирское рядом с другом.

То, с каким пафосным, элегантным движением Егор вставил выдвижную ручку чемодана обратно на место, ничуть

не помогло ему перед лицом суровой реальности: багажник старой «Волги» сдаваться не собирался.

— Эм… Бабушка, а как это… оно вообще открывается?

— Ручками, ручками, Егорушка.

Пенсионерка личным примером продемонстрировала особенности эксплуатации советского автопрома: нажала, прижала, поддела — и крышка с глухим стуком поддалась. Однако за ней бабушку с внуком встретила впечатляющая куча разного калибра хлама.

— И куда мне класть чемодан?

— Сейчас разберёмся. Емельянов! — крикнула Евгения Константиновна.

Емельянов тут же выскочил из салона.

— Господин Емельянов, у нас — вернее, у вас — тут явная проблема со свободным пространством.

Длинный ПТУшник молча залез в багажник, выудил оттуда новенькую, ещё не распакованную шину, не церемонясь вручил её Егору, а на освободившееся место спокойно водрузил чемодан подростка.

— Проблема решена, москвич, — уверенно заявил он.

— Не решена! Мне что, в салоне с шиной на коленях ехать?!

— Ну да. Не волнуйся, она новая, не запачкаешься.

— Действительно, Егорушка, не придумывай проблем на пустом месте, — поддержала птушника бабушка.

Наконец вся компания разместилась в машине. Егору бы-

ло мягко говоря неудобно: огромная шина давила на колени и к тому же полностью перекрывала собой вид из окна.

— Ребята, а зачем вам вообще пятое колесо? — удручённо спросил он.

Иванов развернулся к нему с переднего сиденья:

— Да вот, новый вид транспорта изобретать будем. А ты что думал, москвич? Что мы тут до сих пор на телегах ездим?

Егор, пытавшийся хоть как-то умостить колесо руками и коленями, не остался в долгу:

— Нет, думал, вы уже на кареты пересели. А тут, оказывается, прогресс: на «Волгах» гоняете, да ещё и инновациями занимаетесь!

— А то! Сделаем тачку и продадим патент Илону Маску, — хохотнул Емельянов за рулём.

В салоне раздался дружный смех. И только Евгения Константиновна не совсем поняла, кто такой этот ваш Маск, но на всякий случай вежливо, хоть и слегка растерянно, улыбнулась.

Волга плавно катила по разбитой просёлочной дороге. Они уже подбирались к самой деревне, хотя Егор всё так же мало что видел из-за перекрывавшей полсалона шины. Чтобы хоть как-то отвлечься от неудобной позы, он решил прозондировать местный топонимический бэкграунд:

— Баб, а название Камушки как-то связано с драгоценными камнями? Ну, типа, алмазы там, бриллианты?..

Иванов с Емельяновым спереди тут же синхронно прыс-

нули от смеха.

— Ага, напрямую связано! — охотно подхватила Евгения Константиновна. — Благодаря этим камушкам у меня в доме новая крыша, а твоя мама в своё время в МГУ поступила. Шучу, внучок! Конечно, не связано. Иначе бы мы тут все давно миллиардерами ходили — особенно вот эти двое.

Наконец-то «Волга» замерла у дома Евгении Константиновны. Егор налег на дверцу, силясь выбраться наружу, но быстро понял: законы физики непреклонны — первым свободу должна была обрести покрышка. Недолго думая, он сбросил шину прямо на пыльную дорогу и только после этого сам выкарабкался из салона.

Дом Евгении Константиновны мало чем отличался от остальных построек в Камушках: типичный одноэтажный сельский домик советских времён, разве что с той самой новой крышей, о которой говорила бабушка. Правда, рамы уже стояли современные пластиковые, а за стёклами на подоконниках пышно цвели герань, фикус и разлапистый алоэ.

Зато сам Егор контрастировал с местным пейзажем максимально ярко. Сиреневые «конверсы», стильные чёрные брюки классического кроя, худи точно в тон кедам и свежий, аккуратно уложенный фейд, который ему сделали неделю назад в барбершопе, — местная детвора такую причёску явно не носила. Да и не только шмотки, но и сама внешность парня с головой выдавала в нём избалованного столичного жителя: чересчур бледная кожа, узкие скулы и легкие тени

под глазами от ночных марафонов за PS5. При своём росте чуть выше среднего для шестнадцати лет он не выглядел совсем уж дрыщом — скорее подтянутым и стройным, но на фоне деревенских крепышей казался невероятно хрупким. Впрочем, несмотря на следы бессонных ночей, его глаза были необычайно живыми, пронзительного голубого цвета, а короткий аккуратный нос придавал лицу упрямое выражение.

Сами Камушки представляли собой классическую деревню: домики выстроились ровными длинными линиями вдоль дорог. Улиц тут, конечно, хватало, но у Егора в голове отпечаталась именно эта бесконечная прямая полоса. Ещё по дороге в электричке он заглянул в Википедию и выяснил, что население этой глуши едва насчитывает полтысячи человек.

Евгения Константиновна на фоне внука смотрелась контрастно. Ростом она лишь немного уступала Егору, зато выглядела куда более статной и плотной — сказывалась жизнь на свежем воздухе. Свежее, несмотря на возраст, лицо, выправка, крепкие руки и строгий, уверенный взгляд, в котором без труда угадывался многолетний педагогический стаж. Да и наряд бабушки далёк был от стереотипных деревенских платочков: встречать внука она поехала в удобных джинсах и лёгкой бирюзовой кофте. *«Ну, сейчас войдём в дом, и она точно переоденется во что-то типично бабушкинское»*, — промелькнуло в голове у Егора.

Тем временем Емельянов выгрузил чемодан из багажника, забрал шину, закинул её обратно, забрал свои законные пятьсот рублей и вместе с Ивановым укатил обратно в Ясногорск — продолжать бурные дебаты о том, что же всё-таки является конвенциональным, а что нет.

Егор покатил чемодан во двор через деревянную калитку и вошёл в дом через металлическую дверь.

Слева от входа располагалась кухня, где современность самым естественным образом переплеталась с советской эпохой. Рядом с огромным двустворчатым холодильником примостилась пузатая старая плита, а новенький электрический чайник соседствовал с аккуратной горкой винтажной чехословацкой посуды.

Впрочем, подобная эклектика царила по всему дому. Из прихожей прямой путь вел в гостиную. Главной её достопримечательностью был массивный старинный книжный шкаф, до отказа забитый пожелтевшими томами, а прямо напротив него красовалась внушительная плазменная панель. Диван несколько выбивался из общего ансамбля: он был ощутимо старше телевизора, но при этом явно моложе антикварного шкафа — что-то родом из начала двухтысячных.

Справа от гостиной находилась комната Евгении Константиновны — небольшая, уютная, с двуспальной кроватью, гардеробом и аккуратным письменным столом, за которым она, вероятно, в своё время проверила не одну тысячу тетрадей местных двоечников.

— Баб, а я где спать буду? — поинтересовался Егор, оглядываясь.

— О, у тебя самое козырное место! — загадочно улыбнулась Евгения Константиновна.

Она повела внука на чердак. На чердаке располагалась светлая комната: мягкая новенькая кровать, небольшой столик, тумба для вещей и стильный светильник. Локация и впрямь оказалась шикарной.

— Ого! Вот такой лофт мне нравится! — искренне восхитился парень.

— Чего? — переспросила бабушка, приподняв бровь.

— Да не, неважно… Слушай, баб, тут такой интимный вопрос: а удобства-то где?

— Не волнуйся, туалет в доме, справа по коридору. Ну всё, экскурсию провела, пойдём обедать. Да, и матери позвонить не забудь, а то с ума там сойдёт.

— Точно!

Бабушка с внуком уселись за стол. На нем уже красовалась внушительная горка пирожков, аппетитные творожники и несколько баночек с вареньем. Впрочем, всё это оказалась лишь десертной прелюдией — первым номером программы выступал наваристый, сочный красный борщ.

Егор как раз успел отчитаться маме по телефону: мол, доехал без происшествий, бабушка встречала, комната просто пушка, и от неё даже не разит нафталином. Едва парень повесил трубку, как к нему на колени бесцеремонно запрыгнул

внушительных размеров белоснежный кот.

— О, а это кто ещё за зверь? — удивился Егор, придерживая пушистый тучный комок.

— Это Барсик, — не отвлекаясь от процесса и щедро накладывая борщ по тарелкам, отозвалась Евгения Константиновна.

— Надо же, а я думал, это кот.

— Имя у него такое, Егор! — строго выставила она на стол первую тарелку.

— Да это-то я понял, — похихикал парень, поглаживая спину котика . — Я имею в виду, почему именно Барсик? А не Феофан, Лука… ну или, скажем, Сержан?

— Какой ещё сержант? — нахмурилась бабушка. — Он тебе не военный, а домашний кот!

— Да не «сержант», баб, а Сержан! Имя такое есть.

— Ишь ты, напридумывал! Барсик он — и точка. И вообще, имя ему идеально подходит. Ты посмотри, какой он белый, чистый, благородный… Настоящий снежный барс!

— Ну, пузо у него точно благородных размеров, — ухмыльнулся Егор и попытался почесать белоснежное брюшко.

Но «снежный барс» фамильярности не оценил: молниеносно цапнул москвича за палец, соскочил с колен и с гордым видом удалился под диван.

Егор активно принялся за обед, с аппетитом уплетая обжигающий борщ.

— Ну, как там родители? — поинтересовалась Евгения

Константиновна, подкладывая внуку в тарелку самую пышную ложку сметаны.

— Да неплохо, — ответил парень сквозь набитый рот. — Все в делах, как обычно. Сама знаешь, работы у них выше крыши.

— Вот именно поэтому они тебя и запустили, — вздохнула бабушка, качая головой. — Совсем никакого внимания ребёнку не уделяют. Всё бегом, всё на лету.

Егор, ничуть не смутившись, отложил хлеб и предпринял попытку ловко пристроить выпуклую сторону столовой ложки прямо на кончик собственного носа, балансируя головой.

— Зачем мне внимание? Я и так уже вполне самостоятельский ребёнок!

Реакция бывшей директрисы последовала незамедлительно: пенсионерка молниеносным, отточенным годами преподавательской практики движением выхватила ложку с его носа и с легким щелчком вложила обратно в пальцы внука.

— Самостоятельный, — с особым нажимом поправила бывший учитель русского языка и литературы.

— Да знаю я! — усмехнулся Егор, демонстративно аккуратно зачерпывая борщ. — У меня хоть и пять троек в аттестате за девятый класс, но по русскому-то стабильно пять!

— Троек?! — Евгения Константиновна аж замерла с половником в руке, сузив глаза.

— Да нет же, баб! По русскому стабильно «пять» — в смысле, отлично!

Егор покончил с борщом и с особым энтузиазмом переключился на пирожки с творожниками, уплетая их один за другим.

— Ладно, сегодня отдыхай, Егорушка, — проворковала Евгения Константиновна, убирая пустую тарелку.

— В смысле — «только сегодня»? — Егор замер с недоеденным пирожком в руке.

— А со завтрашнего дня будешь мне по хозяйству помогать.

— В смысле?! Я-то думал, я сюда как раз отдыхать приехал!

— От чего это, интересно?

— Ну… от учёбы!

— От учёбы ты уже, я смотрю, отлично отдохнул, — парировала бабушка, уперев руки в бока. — Пять троек за год! Уму непостижимо… По каким хоть предметам-то, горе моё?

— Ну-у… Алгебра, геометрия, физика, химия, биология… — начал загробным голосом перечислять Егор и тут же попытался ловко съехать: — Ну, в общем, я чистый гуманитарий! Прямо как ты!

— Так, а ну-ка прекрати эти неуместные сравнения! — нахмурилась бывшая директриса. — У меня, как и у твоей матери, за всю жизнь даже в четверти троек не водилось, не то что за год! В общем так: раз уж к умственному труду ты пока не приспособлен, завтра возьмёшься за физический.

— Баб, ну это же чистой воды эксплуатация детского тру-

да! Ты же всё-таки педагог, тебе ли не знать про такие вещи?

— Мне, как педагогу, про эксплуатацию всё отлично известно. И уж точно хорошо известно, насколько она, молодой человек, бывает полезна для неокрепших умов!

— Ужас… Я буду жаловаться в ювенальную… — Егор осекся, заметив, как взгляд бабушки стремительно наливается строгой металлической сталью, и закончил уже совсем тихо: — В ювеналь… ну, эту… как её там. Ладно, не буду никуда жаловаться.

— Вот и отлично! — мгновенно потеплела и улыбнулась Евгения Константиновна. — А теперь марш к себе в комнату, отдыхай. День завтра у тебя с непривычки будет ох какой нелёгкий.

Егор вылез из-за стола со значительно более хмурым видом, чем тот, с которым за него садился.

— Ладно, ладно… Пойду хоть ручки помою.

— Егор, вообще-то это надо было сделать ещё до того, как ты за стол уселся! — прилетело ему вдогонку.

— Извините, Евгения Константиновна, но у голодного желудка свои приоритеты, — с лёгким сарказмом отпарировал внук.

— Смотри, как бы твоя опрометчивость не довела тебя, Егор Алексеевич, до чего-нибудь кишечного.

Парень уже направился в совмещённый узел, предвкушая привычный комфорт, но прямо с порога застыл на месте. Вместо нормального смесителя над раковиной возвышался

самый настоящий настенный рукомойник, а подле ванны выстроились два внушительных, доверху налитых бака с водой.

Пазл в голове у столичного гостя сложился мгновенно: никакого центрального водопровода в этих ваших Камушках, похоже, не водится и в помине. Иначе зачем вся эта тарозаготовка? Егор болезненно поморщился, осознав страшную правду: кажется, уже с завтрашнего утра его нежным «слабеньким ручкам» предстоит поближе познакомиться с коромыслом и ведрами.

Глава 3

— Проснись и пой! — бодро провозгласила Евгения Константиновна, поднявшись на чердак к Егору и с треском раздвигая плотные шторы.

Яркий солнечный свет мгновенно залил комнатку.

— М-м-м… Бабушка, который час? — сонно пробормотал Егор, продирая заспанные глаза и лениво потягиваясь под мягким одеялом.

— Семь тридцать, время завтрака! — торжественно объявила бывшая директриса.

— Я думал, семь тридцать — это время нежиться в кроватке… — удручённо уткнулся он лицом в подушку.

— В Москве будешь нежиться! А сейчас вставай. Тебя ждёт лёгкий завтрак в виде блинов и молока. Давай-давай, поднимайся. Тебе ещё за водой идти.

Бабушка спустилась обратно на кухню, а Егор, со вздохом натягивая брюки и худи, не спеша поплёлся следом за ней.

Юный москвич смаковал каждый кусочек, предельно медленно уплетая блин за блином и неторопливо запивая их холодным молоком. Перспектива таскать тяжеленные ведра его совершенно не вдохновляла, и он изо всех сил пытался отсрочить неизбежный финал. Однако всему приходит конец: последний блинчик бесследно исчез во рту, и делать было нечего — пришлось со вздохом брать в руки пустые ведра

и отправляться на трудовой подвиг.

Ведра оказались самыми обыкновенными, металлическими, но, к немалому удивлению Егора, практически невесомыми. Впрочем, чему тут удивляться — пустая тара тяжелой не бывает.

Выйдя за калитку, юный москвич был искренне поражен: Камушки в столь ранний час уже вовсю бурлили жизнью. Нет, конечно, и Москва в половину восьмого утра давно не спала: отрывавшаяся всю ночь тусовка лениво расползалась по домам из клубов, а хмурые офисные работяги штурмовали метро. Но в Камушках-то явно не водилось ни бизнес-центров, ни модных кофеней, ни ночных баров, так что, на взгляд Егора, логичного смысла просыпаться в такую рань не существовало в принципе.

Тем не менее местная жизнь кипела вовсю. Где-то за высоким забором ритмично и сочно кто-то уже колол дрова для бани; из соседнего двора доносился настойчивый квохчущий гомон кур, встретивших хозяйку с зерном; мимо проковылял дед с точно такими же пустыми ведрами, а чуть дальше какая-то тётка выплеснула в канаву содержимое менее элитного, слегка помятого пластикового ведра с помоями.

Неспешно шагая по наезженной просёлочной дороге и с любопытством разглядывая быт камушковцев, Егор наконец добрался до деревенской колонки — массивного, облупленного синего чудища из чугуна, одиноко возвышавшегося на

перекрёстке.

Логика подсказывала столичному гостю простейший алгоритм: подставить ведро под носик, взяться за длинную металлическую рукоять и совершать плавные поступательные движения вверх и вниз. Однако суровая камушковская практика мгновенно разбила теорию в пух и прах.

Егор поставил ведро, уверенно взялся обеими руками за рычаг и налег на него всем весом. Рукоять даже не шелохнулась. Нахмурившись, парень подпрыгнул и надавил сильнее — колонка лишь издала глухой, издевательский металлический лязг, но не выдала ни капли. Егор сменил тактику: упёрся кедами в размытую вокруг колонки грязь, стиснул зубы и изо всех сил дернул рычаг вверх. Рукоять с треском поддалась, но тут же сорвалась, с силой мотнувшись вниз и едва не выбив Егору челюсть.

Сделав глубокий вдох и мысленно прокляв все водокачки, парень предпринял третью попытку. Он налетел на рукоять, как на штангу в тренажёрном зале, заставив чугунный механизм внутри нудно и тяжело заскрипеть. В глубине колонки что-то забулькало, зарычало, словно пробуждающийся древний монстр, и из ржавого носика наконец вырвалась мощная, ледяная струя воды. Правда, била она не ровно в центр ведра, а с диким напором хлестала во все стороны, мгновенно окатив модной сиреневой замше «конверсов» Егора щедрой порцией деревенской свежести.

К этому моменту к колонке подошли две девушки в ко-

ротких шортах и лёгких футболках — явно ровесницы Егора. Девушки даже не пытались скрыть откровенных улыбок, наблюдая, как городской гость ведёт непримиримый бой с деревенским водопроводом.

Одна из них — русая, с россыпью милых веснушек на носу и в яркой зелёной футболке — решила сжалиться над парнишкой:

— Ну ты и чудак! Кто ж так воду-то набирает? Давай помогу, а то сам тут и останешься.

Её подружка — брюнетка в точно таких же шортиках, но в голубой футболке, — выглядела чуть менее раскрепощённой, но взгляд её оставался подчёркнуто задорным. Она с интересом наблюдала, как подруга уверенно взялась за чугунный рычаг.

— Спасибо, леди! — попытался вернуть себе пошатнувшееся достоинство Егор. — Но мне кажется, я уже практически взломал эту конструкцию. Впрочем, от наглядной демонстрации не откажусь. Покажите мастер-класс, пожалуйста.

Брюнетка коротко хохотнула:

— А ты откуда у нас такой нарядный вырисовался? Небось городской, из Тулы?

— Вообще-то, из Москвы, — гордо парировал он.

— О, впервые вижу живого москвича! — усмехнулась девушка с веснушками, пока вода ровной густой струей наполняла второе ведро.

— А что, раньше только мёртвых встречала? - поинтересовался Егор

— Хи-хи, ну ты и дурак! — прыснула она, пока ведро наливалось до самых краёв. — Никаких в принципе не видела.

— Тебя как зовут-то, москвич? — поинтересовалась брюнетка, переступая с ноги на ногу.

— Егорушка. Но для вас можно просто Егор Алексеевич. А вас, прекрасные леди?

— Я Вика, — представилась брюнетка, а затем кивнула на подругу: — А эту добрую и заботливую девочку, которая спасла тебя от жажды, зовут Люда.

— Спасибо, Люда. Очень приятно познакомиться! — Егор вежливо кивнул. — Но, конечно, с моей стороны было бы непростительной наглостью просить вас донести эти ведра до моего дома. Всё-таки я мужчина! Так что всего доброго.

Егор с самым невозмутимым видом подхватил тяжеленные, налитые доверху ведра… и тут же едва не присел. Стиснув зубы, с вытращенными глазами и тяжело выдыхая, он заковылял в сторону дома, с огромным трудом удерживая равновесие и пытаясь не расплескать воду на свои замшевые «конверсы».

— Какой ещё мужчина?! Ты ж москвич! — крикнула ему вслед Люда, и девчонки на всю улицу залились звонким хохотом.

С горем пополам Егорушка всё-таки дошёл до дома, раз-

лив по дороге примерно три четверти всей набранной воды.

На крыльце его встречал Барсик. Парень нахмурился, искренне надеясь, что кот уступит проход, но пушистый хозяин двора вальяжно уселся прямо по центру и неспешно намывал лапу. Держать плечи в напряжении и сжимать тяжеленные ведра становилось совсем втягость. Насупившись, Егор попытался вступить с маленьким охранником в конструктивные переговоры:

— Ну и чего сидишь, Гэндальф? Давай, скажи ещё: «Ты не пройдёшь!» Знаете, мистер кот, мне на сегодня уже с лихвой хватило позора перед местными дамами, так что не вынуждайте меня к насилию. Уйдите с дороги!

— Барсик, а ну-ка чего расселся?! Брысь! — неожиданно вмешалась Евгения Константиновна, появившись на пороге.

Кот мгновенно испарился с крыльца, юркнул в дом и с царским достоинством запрыгнул на любимый диван.

— А ты чего застыл? Давай проходи, Егорушка… Хотя нет, отставить дом! Неси в огород ведра. Будем теплицу поливать.

Егор вывалил остатки воды из подтекших вёдер в старую ржавую бочку, стоящую у входа в поликарбонатный парник, и обречённо вздохнул. Находиться внутри было всё равно что добровольно залезть в раскалённую духовку.

— Так, Егорушка, держи, — Евгения Константиновна с гордым видом вручила внуку его главный рабочий инструмент — ярко-зелёную пластиковую лейку литров на десять с

насадкой-душком. — Набираешь из бочки, идёшь вдоль кустов и ровно, аккуратно поливаешь под корень. Помидорам по листьям не лей, они этого не любят. Понял?

— Понял, баб. Я, считай, агроном в первом поколении, — попытался отшутиться парень.

Зачерпнуть воду из бочки оказалось задачей относительно простой, хоть лейка мгновенно прибавила в весе добрые десять килограммов. Егор гордо прошествовал в глубину теплицы, встал враскоряку между двумя ровными грядками и наклонил лейку над первыми кустами помидоров.

Сначала всё шло по плану: вода весёлым, ровным душем орошала подсохшую землю. Но стоит сказать, что узкая тропинка между грядками была выстлана скользкими досками, а сиреневые замшевые «конверсы» Егора всё ещё хранили в себе память об утреннем купании у колонки.

Стоило Егору шагнуть чуть дальше, как левая нога коварно поехала по влажной доске.

— Чё-ё-ёрт! — закричал столичный агроном, теряя равновесие.

Пытаясь выровняться и не завалиться спиной прямо на хрупкие стебли с зелёными томатами, Егор сделал резкий взмах руками. Лейка описала в воздухе элегантную дугу, и весь её десятилитровый запас струёй выплеснулся вовсе не под корень растения, а прямо Егору на грудь и штаны.

Через секунду парень уже сидел задницей на мокрой доске, тяжело дыша, весь мокрый, в налипшей на худи грязи, а

из лейки на его ноги докапывали последние капли.

Евгения Константиновна, заглянувшая в теплицу на шумиху, оперлась о косяк и с глубоким педагогическим прищуром посмотрела на внука:

— Ну что, Егор Алексеевич… Зато сам освежился. А помидоры-то поливать кто будет?

Парню казалось, что лимит его страданий на сегодня исчерпан, но бывшая директриса школы поблажек давать не собиралась. Сначала Евгения Константиновна лично провела мастер-класс: уверенно, без единого лишнего движения зачерпывала воду из бочки, проходила вдоль ровных рядов и ровно, аккуратно орошала подсыхающую землю, не задевая капризные листья. Затем наступила очередь Егора. Первые пару минут он возился исключительно для галочки — отряхивал с худи мокрую грязь, вздыхал и демонстративно заново привыкал к тяжести лейки. Однако, столкнувшись с непоколебимым, железобетонным взглядом бабушки, понял: филонить не выйдет. Пришлось включить максимальную концентрацию, старательно держать равновесие на скользких досках и аккуратно шаг за шагом проливать каждый куст.

Спустя некоторое время все грядки — и с томатами, и с огурцами — наконец-то блестели влажной, тёмной землёй.

Егор вылез из парника, вытирая лбом пот и осматривая свои некогда безупречные сиреневые кеды и испачканные штаны.

— Баб, а что теперь с вещами делать? Они же капец гряз-

ные…

— А что люди обычно делают с грязными вещами, Егорушка? — спокоенехонько уперла руки в бока Евгения Константиновна.

— Стирают… — с тоской пробормотал парень.

— Ну вот ты сам и ответил на свой вопрос. Сейчас принесёшь ещё пару вёдер воды для стирки, намылишь всё — и сам аккуратненько руками постираешь.

Сил перечить, включать привычный московский сарказм или молить о милосердии у столичного гостя просто не осталось. Вступить в битву с машиной-автоматом в стенах Тверской было бы делом пары кликов, но здесь правила игры устанавливала бабушка.

Покорно вздохнув, Егор снова подхватил оцинкованные ведра и, еле передвигая гудящие ноги, поплёлся в свой уже второй за день поход к злополучной чугунной колонке.Девочек, к его великому счастью, поблизости не наблюдалось. Зато возле колонки стоял крепкий высокий юноша со светлым ёжиком волос, одетый в одну лишь майку и шорты. Он мастерски, почти не прилагая усилий, ритмично качал рукоять, и вода упругой струёй наполняла его вёдра.

Вступать с ним в разговор Егор не торопился: мало ли какое специфическое чувство юмора у этих местных пацанов. Парень переждал в сторонке, пока крепыш подхватит свою тару, и аккуратно поставил под кран собственное ведро. Сельский паренёк тем временем бодро ушагал по улице

к своему дому.

Егор снова принялся мучиться с качалкой. Выходило, справедливости ради, уже чуть получше утреннего позора, но всё равно не идеально. Не успел он набрать и половины первого ведра, как тот самый блондин уже вернулся с очередной парой пустых ёмкостей.

— Эй, давай помогу, пацан, — миролюбиво предложил блондин, наблюдая за битвой москвича с чугунным монстром.

— Да я сам как-нибудь… — буркнул Егор, стараясь выглядеть максимально автономным.

— Да я это, не из добрых этих… как его… побуждений, — ухмыльнулся тот. — Просто ты три часа уже одно ведро мусолишь.

— Ну не три конечно… — Егор окинул взглядом наливающееся со скоростью капли в час ведро и вздохнул: — Ладно, давай.

Парень легко шагнул вперёд, перехватил рукоять и буквально за какие-то пятнадцать секунд, легко и ритмично орудуя качалкой, заполнил обе ёмкости Егора до самых краёв.

— Спасибо, — искренне оценил Егор.

— Меня Серёга, кстати, зовут, — протянул тот ладонь.

— Ага. Я Егор.

— Ну, бывай, Егор! — Серёга кивнул, установил свои вёдра под кран и принялся так же задорно качать дальше.

Шагал назад Егор ещё медленнее, чем в первый раз. Ноги гудели, а от мысли, что после этой водоносной эпопеи его ждёт ручная стирка собственных вещей, нападала беспросветная тоска. С другой стороны, где-то на подкорке сработала простая армейско-деревенская логика: чем быстрее расправишься с этой рутиной, тем быстрее наконец упадешь на мягкую кровать у себя в «лофте» и уткнёшься в телефон.

Сжав зубы, парень чуть прибавил шаг.

Добравшись до дома и с глубоким выдохом опустив вёдра на траву возле крыльца, он позвал бабушку. Евгения Константиновна задерживать трудовой порыв не стала: выдала внуку глубокий оцинкованный таз, кусок классического, брутального хозяйственного мыла с узнаваемым резким запахом и провела молниеносный инструктаж. Намыливать густо, трущие движения делать энергично, особое внимание уделить коленям и манжетам, а после — прополоскать в трёх водах, пока не уйдёт вся пена.

Прежде чем приступить к этой экзекуции, Егор, естественно, первым делом переоделся. На сей раз он облачился строго по погоде — в лёгкие шорты и простую футболку.

Усевшись на низенькую скамеечку возле таза, парень принялся за дело. Порошка он не жалел ни капли: щедро насыпал его прямо в воду, пока та не покрылась пышной, густой пеной. Егор с отчаянным усердием тёр ткань, пытался скрупулёзно отмыть каждое пятнышко грязи на коленях и вернуть безупречный сиреневый вид своим любимым вещич-

кам.

Пальцы быстро пощипывало от мыльной воды, а спина начинала затекать.

Лень улетучилась сама собой: когда дело касалось личного блага и безупречного вида собственных вещей, а не общественного блага в виде теплиц, мотивация у Егора работала на максималках. В конечном итоге он насухо выжал вещи, аккуратно развесил их на улице и с чувством выполненного долга вернулся в дом.

Уставший, но довольный собой, он бессильно плюхнулся на мягкий диван прямо рядом с бабушкой, которая с увлечением смотрела «Вечер с Андреем Малаховым».

— Баб, у тебя же спутник, двести каналов! А ты смотришь *это*? — искренне изумился Егор, кивнув на экран, где гости студии эмоционально спорили о чьей-то запутанной семейной драме.

— Тихо! — Евгения Константиновна строго приложила палец к губам, даже не повернув головы. — Сейчас как раз самое интересное начнётся… Кстати, иди покушай, я вареники с картошкой сварила. На столе под полотенцем стоят.

Егор вернулся на кухню и с искренним аппетитом принялся за вареники, щедро макая их в сметану и запивая холодным молоком. Вся тарелка опустела буквально за какие-то пять минут.

Возвращаться в гостиную, впрочем, он не спешил: висел обоснованный страх, что Евгения Константиновна мгновен-

но назовёт ему ещё парочку важнейших агрономических задач на остаток дня. Вместо этого парень засел на кухне и с головой погрузился в TikTok, попискивая и прыская в кулак от особенно смешных роликов и абсурдных мемов.

Он даже не заметил, сколько времени пролетело за скроллингом ленты, — по ощущениям, явно больше часа. На заднем плане шумевший телевизор уже затих, программа Малахова закончилась, и в тишине дома неожиданно раздались мягкие, бархатистые аккорды акустической гитары. Егор сначала подумал, что бабушка просто переключила канал на какой-нибудь старый концерт, но затем услышал знакомый, живой голос, звучавший прямо из комнаты.

Тихонько, почти на цыпочках, парень подошёл к дверному проёму гостиной и замер на пороге.

Евгения Константиновна сидела на диване с гитарой в руках. Её пальцы уверенно и нежно перебирали струны, а сама она, слегка прикрыв глаза, тихо и проникновенно пела:

Спасибо вам и сердцем, и рукой
За то, что вы меня — не зная сами!
— Так любите: за мой ночной покой,
За редкость встреч закатными часами,
За наши не-гулянья под луной,
За солнце, не у нас над головами,
— За то, что вы больны — увы! — не мной,
За то, что я больна — увы! — не вами!..

Последний аккорд мягко растаял в воздухе. Егор от удив-

ления даже про телефон забыл.

— Баб… Я и не знал, что ты умеешь так петь, — тихо произнёс он.

Евгения Константиновна аккуратно отложила гитару, посмотрела на внука и с хитрой, утаённой улыбкой, за которой всё же проглядывала светлая грусть, ответила:

— Думаю, Егорушка, ты ещё очень многое обо мне не знаешь.

Глава 4

— Может, и ты бабушке сыграешь? — с лукавой улыбкой спросила Евгения Константиновна.

— Так и знал, что матушка скидывала те самые видео, — со вздохом произнес Егор, бережно беря гитару в руки. — Только я уже год не брал гитару в руки.

Деревянный корпус отозвался привычным, немного давним теплом. Егор привычно упер деку в колено, вытянул шею и начал крутить колодки, пытаясь подстроить третью струну.

— Не надо, она и так настроенная, не оттягивай неизбежное. Играй.

Егор ещё раз вздохнул, поджал губы и, заколебавшись лишь на мгновение, ударил по струнам, заставляя акустику наполнить комнату чистым, размеренным боем. Он запел песню группы «Перемотка», чуть прикрыв глаза и вкладывая в мягкий мотив всю ту юношескую меланхолию, что накопилась за эти дни:

Лишь те, кто познали любовь
Интересны душой
Отказались от зла
Я в письме твоим почерком вновь
Знаючи наизусть
Прочитаю слова

Одинокое солнце горит
Ждёт луну уже тысячи лет
Но восходит она в темноте
Лишь покуда рассеется свет...

Звук гитары заполнял небольшую уютную гостиную, переплетаясь с тихим тиканьем старых настенных часов и мягким шуршанием листвы за пластиковым окном. Пальцы Егора, хоть и слегка отвыкли от жестких струн за целый год перерыва, постепенно вспоминали знакомые позиции аккордов, уверенно скользя по грифу. В этот момент пропал весь его привычный столичный сарказм, исчезла наигранная вальяжность и бесконечные жалобы на тяжелую деревенскую жизнь. Остался только чистый бархатный голос, слегка дрожащий на высоких нотах, и глубокое мелодичное звучание инструмента.

Евгения Константиновна сидела на диване, не шевелясь и боясь спугнуть этот неожиданный душевный порыв. Её строгий директорский взгляд окончательно разгладился, уступив место невероятной теплоте и гордости. Она аккуратно сложила руки на коленях и тихо наблюдала за внуком, в каждом движении которого сейчас проглядывали черты её собственной молодости. Даже Барсик, до этого вылизывавший лапу на противоположном конце дивана, перестал шевелиться, прижал уши и уставился на Егора своими большими зелеными глазами, словно тоже решил на время сменить гнева на милость.

Когда раздались финальные переборы и последний аккорд плавно угас в сумерках кухни и гостиной, Егор смущенно качнул головой, проводя ладонью по струнам, чтобы глушить остаточный гул, и посмотрел на бабушку.

— Ты мне деда напоминаешь.

— Баб, какой я дед. Мне шестнадцать, — Егор слегка смутился, опустив глаза на гриф и ожидая привычного строгого взгляда.

Однако Евгения Константиновна неожиданно мягко и светло улыбнулась.

— Ох, он бы тоже такую глупость ляпнул, — проговорила она, устремив взгляд куда-то сквозь стену, в глубину собственных воспоминаний. — Знаешь, я ведь окончила Тульский педагогический, а потом по распределению меня направили сюда, в Камушки. Тут к тому моменту уже работал твой дед — года три, наверное. Он был физкультурником. Помню, пришла на свое первое первое сентября уже в качестве настоящего учителя. Заиграла торжественная музыка, а тут подходит он и говорит: «Товарищ учительница, разрешите пригласить вас на танец!». Я так и обомлела: ну какой танец под песенку «Учат в школе»?

— И что, ты мгновенно влюбилась в него? — спросил Егор, подавшись вперед.

— Нет, конечно! Я сочла его за человека, мягко говоря, недалекого и шута. Он ведь постоянно шутил, мне он по первости представлялся человеком поверхностным, легкомыс-

ленным... До тех пор, пока не узнала, какой он на самом деле добрый, — голос бабушки на секунду прервался, она запнулась, переводя дыхание, и тихо добавила: — Он был очень добрый человек. Никогда никому не отказывал в просьбах, всегда помогал, что бы у него ни попросили, и органически терпеть не мог несправедливость. Уже в девяностых, когда времена были, ну, мягко говоря, совсем не добрые, училась у нас в школе одна девочка. Сирота при живом отце: одноклассники над ней постоянно издевались, а отец дома бил... И вот твой дедушка вступился за нее, никому не дал в обиду. Сейчас эта девочка уже совсем выросла, стала предпринимателем, у нее свое дело — сеть салонов красоты. Ты ведь дедушку совсем не знал... Он умер буквально за полгода до твоего рождения: шестого декабря его не стало, а шестого мая родился ты. Вот мы и решили тогда с твоей мамой назвать тебя в его честь.

Егор задумчиво перебрал пальцами незвучащие струны и тихо, едва слышно произнес:

— Только я, наверное, не такой добрый, как дедушка...

— Ты наверняка себя еще плохо знаешь, Егорушка, — тепло возразила Евгения Константиновна и, сменив тон на более бодрый, спросила: — Ладно, слушай, а чего ты всё дома сидишь? Вышел бы на улицу, погулял.

— Не, спасибо, я утренним походом за водой уже нагулялся на неделю вперед.

— Ну, то-то было по работе! А сейчас выйди, просто раз-

вейся, воздухом подыши. Может, познакомишься с кем-нибудь.

— Да я уже познакомился, пока ведра таскал.

— С кем это? — приподняла бровь бабушка.

— Да девчонки какие-то — Люда и Вика. И еще Сергей, здоровяк один.

— Вот и отлично! Выйди на улицу, они ребята хорошие.

— Ну, раз ты настаиваешь... — Егор со вздохом поднялся с дивана, аккуратно поставил гитару в угол комнаты и направился к выходу на свежий деревенский воздух.

Егор шёл по деревенской улице, сам не зная куда. Время на экране смартфона показывало всего 19:22, однако в июле что семь часов вечера, что три часа дня не особо отличались друг от друга — солнце всё так же заливало всё вокруг сухим, золотистым светом.

Спустя десять минут абсолютно бесцельной ходьбы он вышел к небольшому заросшему пустырю. Привычных городских скамеек здесь не водилось, зато прямо в траве покоились остатки старых бетонных плит. На них, свесив ноги, сидели уже знакомые ему девочки — Люда и Вика. Чуть пригубив колу из банки, они о чём-то оживленно беседовали с незнакомым парнем, который стоял напротив них, активно жестикулируя и эмоционально что-то рассказывая.

А неподалёку от них, на утоптанном пятачке земли, вальяжно прохаживался тот самый Серёга-здоровяк, с отточенной ловкостью и абсолютным хладнокровием чеканя во-

лейбольный мяч то левой, то правой ногой.

Незнакомый парень оказался незнаком только для Егора. Разгорячённо что-то объясняя, он вдруг случайно бросил взгляд в сторону и ткнул пальцем прямо в приближающегося столичного гостя. Вся компания синхронно повернулась, пару секунд разглядывала Егора, а затем дружно, почти хором выдохнула:

— Да, это он!

— Эй, москвич! — громко, перекрывая стрекот кузнечиков и пытаясь докричаться через добрые пятнадцать метров, разделявшие их, крикнула Вика. Она смерила его задорным, подшучивающим взглядом и с лукавой ухмылкой приподняла бровь. — Ты чего один там бродишь-то?

Егор остановился, с наигранной трагичностью вздохнул, упер руки в карманы и с самым невозмутимым видом отозывался:

— Да вот... ищу обратный путь в Москву!

— Ты так месяц будешь добираться пешком, — подал голос незнакомый парень. Он снисходительно хмыкнул, качнул головой и, скрестив руки на груди, с абсолютной житейской уверенностью добавил: — Да и Москва твоя, между прочим, вообще в другой стороне.

— Вот как? — Егор поджал губы и театрально всплеснул руками, изображая крайнюю степень растерянности. — И что же мне делать тогда?

Люда, всё это время доброжелательно улыбавшаяся на

своей бетонной плите, похлопала ладонью по сухой поверхности рядом с собой и мягко предложила:

— Как вариант — присоединиться к нам!

Егор поправил воротник своей жёлто-коричневой клетчатой рубашки. В его личном топе вещей она уверенно занимала второе место сразу после любимого худи, но поскольку худи всё ещё сушилось на заднем дворе после эпичного огородного полива, он с удовольствием выгуливал рубашку.

— Я Олег, — протянул руку незнакомец.

Он выглядел значительно менее крупным, чем Серёга, но всё же поплотнее Егора, а рукопожатие у него при этом оказалось по-деревенски крепким. При этом Олег был заметно ниже обоих парней — если быть точным, аккурат одного роста с Викой и Людой. Он совершенно не скрывал широкой, добродушной улыбки, а по всей видимости, улыбался он вообще всегда. На голове у него красовался аккуратный, обильно залитый лаком ирокез-гребешок в духе модных пацанских трендов начала 2010-х — причёска, в которой сразу угадывалась ностальгическая эра школьных дискотек под треки группы «Градусы».

— Егор, — представился москвич, с улыбкой пожав открытую ладонь. Парень оглядел всю компанию, слегка развёл руками и с лёгким сарказмом поинтересовался: — И чем вы тут занимаетесь? Какая у вас культурная программа на этот прекрасный вечер?

Девочки синхронно захихикали, услышав очередной ви-

тиеватый пассаж Егора. Олег же, не переставая улыбаться, на секунду едва заметно сморщил брови — столичный гость с его барбершопной причёской и клетчатой рубашкой явно перетягивал внимание на себя, и это Олегу не слишком нравилось.

Не теряя фасона, он неопределенно властным жестом попросил мяч у Серёги. Здоровяк хмыкнул и легким, коротким пинком отправил волейбольный мяч прямо в руки другу. Олег ловко, с наигранным артистизмом поймал его обеими ладонями, подкинул на ладони и с ощутимым пафосом в голосе провозгласил:

— Мы тут, между прочим, в горячую картошку играем!

Егор с искренним скепсисом посмотрел сначала на круглый кожаный снаряд в руках Олега, потом на самого Олега и, ткнув пальцем в сторону мяча, отпарировал:

— Ну, если честно, это больше похоже на мяч, чем на картошку.

— Ха-ха, очень смешно, москвич! — ничуть не растерялся Олег, удерживая свою фирменную широкую улыбку, хоть в глазах и промелькнул азартный вызов.

Он принялся наглядно, с эмоциональными жестами и припрыжкой объяснять правила: мол, все встают в круг и быстро перепасовывают мяч друг другу касанием, словно он раскалён до предела, а тот, кто не удержал или замешкался, садится на корточки в центр «котла» и ждёт, пока его не выручат ловкой передачей.

Закончив экспресс-инструктаж, Олег с хитринкой в глазах и коротким замахом подкинул мяч прямо в сторону Егора — с явной надеждой застать столичного франта вплосплох.

Егор, правда, пасовать не собирался. И хотя он никогда в жизни не блистал выдающейся футбольной техникой, многолетняя страсть к «Манчестер Сити» и бесконечные трансляции матчей не прошли даром: парочку эффектных трюков он выучил наизусть. Почувствовав на себе пристальные взгляды всей компании, парень моментально включился.

Пока мяч плавно дугой летел сверху вниз, Егор сделал техничный шаг назад, чуть пружиня на опорной левой, выставил правую ногу и в идеальный тайминг погасил скорость снаряда, безупречно зажав его носком стопы. Не давая мячу коснуться земли, он тут же мягким подкидыванием отправил его вверх, подождал, пока тот опустится, и изящно накрыл аккуратным движением, зафиксировав прямо под подошвой своего сиреневого «конверса».

— Э-э-э, аккуратнее, Роналду! — тут же нахмурился и подал голос до этого молчавший Серёга, подозрительно прищурившись и явно запереживав за сохранность своего волейбольного мяча.

— М-м, хорошая техника, — сдержанно прокомментировал Олег, хотя в его тоне проскользнула невольная уважительная нотка.

Егор резко опустил уголки губ, состроил сценически-тра-

гическую гримасу и, изображая со свойственным ему гротеском глубокую обиду, ответил:

— Это не техника. Это искусство! Ладно, давайте в вашу картошку фри поиграем.

— Просто в «горячую картошку», — строго поправил Серёга, всё ещё недовольный тем, как подчёркнуто невежливо обошлись с его мячом, вставая на него двумя ногами.

Ребята быстро организовали круг. Пятеро игроков — Вика, Люда, Олег, Серёга и Егор — встали на расстоянии пары метров друг от друга. Олег первым ввёл мяч в игру, лёгким касанием отправляя его в сторону Люды.

Деревенский пустырь мгновенно ожил. Мяч перелетал от одного к другому со скоростью настоящего раскалённого угля. Правила не прощали задержек: отбивать приходилось моментально — ладонями, кулаками, а порой и локтями. Первой ошибку допустила Вика: попытавшись красиво погасить сложную передачу от Серёги, она замешкалась, мяч глухо ударился о её предплечье и покатился в траву. С досадным смехом Вика отправилась «вариться» в центр круга, усевшись на корточки.

Следующим вылетел сам Серёга. Желая отдать быстрый пас Егору, здоровяк не рассчитал силу и слишком резко закрутил снаряд. Егор ловко увернулся, а мяч улетел далеко за бетонные плиты, отправив Серёгу в «котёл» к Вике. Люда продержалась чуть дольше, но на очередном высоком пасе от Олега не удержала равновесие на неровной траве и тоже

присоединилась к сидящей в центре компании.

В игре остались только двое — Олег и Егор.

Атмосфера на пустыре накалилась. Борьба между местным лидером и столичным гостем приобрела почти принципиальный характер. Вика, Люда и Серёга, естественно, в один голос болели за своего:

— Давай, Олег! Не отдавай победу москвичу!

— Олежка, жми, покажи класс!

Олег отбивал мяч с подчёркнутым азартом и звериной серьёзностью, каждый удар сопровождая победным выдохом. Егор же отбивался легко и артистично, но быстро оценил обстановку: наливать масло в огонь и забирать победу у местного парня на глазах у его же друзей было бы не самым дипломатичным ходом для первого вечера. Парень решил красиво поддаться — но так, чтобы никто не заподозрил наигранности.

Олег выбил высокую дугу. Мяч летел прямо на Егора. Парень отступил на полшага назад, сделал вид, что запутался в собственных сиреневых «конверсах» на скользком стебле травы, и с имитацией максимальной концентрации потянулся к мячу. Он отбил его не плашмя, а едва задел кончиками пальцев — ровно так, чтобы мяч срезался по незаметной траектории и ушёл в сторону.

— Чёрт! — эмоционально вскрикнул Егор, изображая искреннее досадование и неуклюже взмахнув руками, пока мяч глухо стукнулся о бетонную плиту.

— Есть! — победно крикнул Олег, вскидывая руки к небу под дружный одобрительный гул и аплодисменты Вики, Люды и Серёги.

— Ну всё, москвич, с тебя лимонад! — задорно сообщил Олег, утирая пот со лба и победно упирая руки в бока.

— А почему с меня, а не с главного аутсайдера — с Вики? — искренне возмутился Егор, приподняв бровь и указывая рукой на девушку. — Она же первая выбыла!

— Э-э-э! — протянула Виктория, согнав с лица улыбку и изобразив фальшивую обиду.

— А у нас такие вот правила: тот, кто проиграл дуэль в финале, тот и идёт в магазин, — вальяжно и невероятно важно пояснил Олег, словно цитировал древний свод законов Камушек.

— Ну... я не знаю, где тут магазин, — попытался съехать Егор, скрестив руки на груди.

— Ой, пойдём, я тебе покажу, — со снисхождением, но с задорной ухмылкой сказала Вика, спрыгивая с бетонной плиты. — Тем более, как ты выразился, я тут главный аутсайдер.

— Ну ладно, пойдёмте, Виктория, — с легким поклончиком отпарировал Егор.

Девушка тихо хихикнула, и они вдвоём пошли по пыльной проселочной дороге в сторону местной торговой точки. Вика совершенно не скрывала улыбку и то и дело мельком бросала любопытные взгляды на москвича — на его уложен-

ный фейд, клетчатую рубашку и всё ещё хранящие следы огородных приключений сиреневые кеды.

— Ну и какие напитки предпочитает ваша уважаемая компания? — нарушил тишину Егор, засунув руки в карманы брюк.

— «Дюшес». Ну или «Тархун», — отчеканила Вика, перепрыгивая через сухую кочку.

— Ясно... Я-то думал, сельские предпочитают пиво.

— Нет, мы за ЗОЖ! — хихикнула Вика, шутливо толкнув его локтем в плечо.

Остаток недлительного пути они прошли молча, наслаждаясь тёплым июльским вечером.

Магазин представлял собой типичный сельский крохотный домик с выцветшей вывеской. За единственным прилавком восседала эффектная рыжая женщина лет сорока. Она флегматично жевала жвачку и вовсю слушала Валерия Меладзе, чьи бархатные рулады разносились из хрипящего динамика её смартфона. Вика с порога прошмыгнула к полке со снеками и с дотошностью опытного дегустатора принялась выбирать тот вкус сухариков, который ещё не пробовала.

Егор же тем временем решил обаять женщину. В кармане у него завалялась всего одна смятая сотня, и парень свято предполагал, что на литровый «Дюшес» и такой же «Тархун» столичных ценников ему точно не хватит.

— Добрый вечер, синьорита! — торжественно начал Егор,

подступая к прилавку и прикладывая руку к сердцу. — Позвольте отрекомендоваться: меня зовут Егор Алексеевич. Я прибыл к вам из другой страны, и для меня стало настоящим открытием, что в деревне Камушки живут и работают такие прекрасные представительницы магазинной торговли! Поскольку я гость в вашей стране и деревне, не могли бы вы сделать мне скидку и продать вот эти два великолепных напитка за девяносто девять рублей?

Продавщица медленно перестала жевать, окинула Егора тяжелым, опытным взглядом из-под накрашенных ресниц, но, видимо, за долгие годы работы в торговле слышала и куда более изощрённые просьбы о скидке. Хмыкнув, она ответила:

— Мальчик, какая скидка? Они в сумме на девяносто рублей выходят. Но если ты действительно хочешь сделать приятное привлекательной женщине, то можешь заплатить и девяносто девять. Кстати, откуда ты такой нарядный?

— Я из Буркина-Фасо, — не моргнув глазом провозгласил Егор.

— М-м-м, ясно, — кивнула продавщица с непроницаемым лицом. — Но поскольку ты из своей Фасо, думаю, не поскупишься заплатить и сто рублей.

— Я... эм... ну ладно, — слегка растерялся москвич, нащупывая купюру.

— Да ладно, я шучу, — ухмыльнулась женщина, забирая сотню.

— Не обращайте внимания, — со смехом вступилась подошедшая Вика, выкладывая на прилавок пачку. — Он у нас москвич. Тёть Наташ, пробейте мне сухарики.

— Конечно, Викусь, — потеплела рыжая продавщица, а затем снова посмотрела на Егора: — А ты, стало быть, внук Евгении Константиновны?

— А вы откуда знаете? — удивился парень.

— Чего тут знать? Она сама мне на днях, когда муку покупала, сказала, что внучок приедет.

— О как... — коротко роздал Егор.

Его всё ещё щемило от смущения после той пышной тирады, которую он увлечённо выдал тёте Наташе. Забрав сдачу и бутылки, парень быстро пошёл к выходу:

— Ладно, мы, пожалуй, пойдем...

Они вышли из магазина, держа в руках «Дюшес», «Тархун» и сухарики. Задорная улыбка Вики казалась уже просто приклеенной к её лицу.

— Ну ты и кадр! — хохотнула она, идя рядом. — Какая ещё Буркина-Фасо? Это вообще где?

— Сам не знаю, — честно признался Егор, поправляя клетчатую рубашку. — Вроде где-то в Ленинградской области.

— Ахахах! Ну ладно, «ленинградец». Будешь сухарики? — она протянула ему открытую пачку.

Вика с Егором вернулись ровно туда, откуда и вышли — на заросший пустырь к бетонным плитам.

Олег с Серёгой тем временем лениво перепасовывались волейбольным мячом, а Люда, сидя на краю плиты, увлечённо крутилась с телефоном в руках, ища лучший ракурс для очередного селфи.

— Опа, а вот и сушняк! — радостно провозгласил Олег.

Он первым рванул навстречу возвращавшейся парочке, с ходу выхватил у Егора литровый «Дюшес» и с сочным шипением сорвал пластиковую крышку. Следом без лишних церемоний подтянулись Серёга и Люда, тут же пристроившись к «Тархуну».

Слов благодарности Егор так и не дождался. Молча наблюдая, как местная компания с искренним наслаждением глушит холодный лимонад прямо из горла, парень решил прервать этот водопой:

— А вы типа друзья?

— Ну, тип да, — отозвалась Люда, оторвавшись от телефона и утирая губы тыльной стороной ладони. — Ещё и одноклассники: в этом году девятый закончили. Мне, Серёже и Олегу шестнадцать. А Вике шестнадцать исполнится только через месяц, так что она у нас ещё малявка.

— Эй! Сама ты малявка! — задорно огрызнулась Вика, надув губы. А затем с любопытством повернулась к москвичу: — А тебе сколько, Егор?

— Мне шестнадцать, — с самым важным и чинным видом чеканя слова, ответил Егор. — Я такой же взрослый, как твои друзья, малявка.

Компания дружно и громко расхохоталась. Вика с улыбкой наигранно нахмурилась и безболезненно, но шутливо уколола Егора кулачком прямо в плечо.

— Я, кстати, тоже был в Москве, — внезапно начал Олег, с гордым видом доставая из кармана телефон и демонстрируя экран с фотографией на фоне сверкающих небоскребов Москва-Сити.

Егора крайне забавляли эти отчаянные попытки «первого парня на деревне» отстоять лидирующие позиции. Сам Егор совершенно не стремился занят место Олега, но наблюдаемый перформанс выходил настолько комичным, что парень изо всех сил покусывал щеки с внутренней стороны, лишь бы не захихикать во весь голос.

— Это впечатляет, Олег, — с искренне-подчеркнутой серьезностью кивнул Егор.

Олег, почуяв поддержку, вошел во вкус и свайпнул галерею дальше:

— Вот, смотри, фотка с Ваней Абрамовым! Это я на его стендапе был.

— А ты часто в Москве знаменитостей видишь? — вмешалась Люда, сделав внушительный глоток «Тархуна» и параллельно сбоку умыкнув у Вики пару сухариков.

— Ну, с Ванькой Абрамовым мы в «Пятерочке» постоянно пересекаемся, — не мигнув глазом, отшутился Егор.

— О! А если увидишь Крида — можешь записать кружок, чтобы он привет мне передал и в любви признался? — при-

няв шутку за чистую монету, тут же загорелась Люда.

— Да щас! Это всё уже давно с помощью ИИ сделать можно, — со знанием дела возразил Олег, скрестив руки на груди.

— Ага, прямо как твоего Абрамова! — безопеляционно оборвала его Люда. — Может, он у тебя на фотке тоже не настоящий, а ИИ-шный!

— Самый что ни на есть настоящий! — с явной обидой в голосе буркнул Олег.

Егор назидательно поднял указательный палец вверх и с невероятно умным выражением лица, словно профессор на лекции, добавил:

— Я бы сказал — взаправдашний.

Вика снова мельком глянула на юного москвича и тепло, задорно улыбнулась.

— Ладно, пойдёмте уже в халабуду, — наконец-то подал голос Серёга, закидывая волейбольный мяч под мышку.

Егор еле сдержался, чтобы не хохотнуть от столь колоритного и нелепого слова.

— А это что ещё такое? — удивлённо поинтересовался он, приподняв бровь.

— Это типа наше убежище, — пояснила Вика, шагая рядом и бросая на него быстрый задорный взгляд.

— Это типа как в фильме «Оно»? — с лёгкой ухмылкой переспросил Егор.

Олег мгновенно просиял: широкая улыбка налилась ис-

кренним азартом, а вся первичная настороженность по отношению к «московскому мажору» испарилась без следа. В его глазах Егор окончательно превратился в «своего пацана».

— О, чувак, ты шаришь! — радостно воскликнул Олег, ткнув в Егора пальцем. — А эти дятлы так фильм и не смотрели.

— Сам ты дятел, дуралей, — невозмутимо откликнулся Серёга.

Олег с ходу переключился на девчонок, продолжая паясничать:

— Ну ладно... дятловки, дятлицы, эм... самки дятлов, короче!

— Ты щас у меня получишь! — шутливо пригрозила кулаком Люда, сузив глаза.

— Боюсь-боюсь, Людка-будка! — задорно хохотнул Олег и с места рванул в сторону от пустыря.

Девчонка не выдержала и мгновенно помчалась за «первым парнем на деревне», вопя про жестокую месть и неотвратимую физическую расправу.

— Детский сад... — с тяжким взрослым вздохом подытожил Серёга, провожая взглядом уносящуюся парочку. — Ладно, пошлите. Они всё равно в сторону халабуды побежали.

Халабуда оказалась старым, заметно покосившимся заброшенным сараем, затерянным на самом краю пустыря в тени раскидистых ив. Ещё со времён позднего совхоза это

деревянное строение служило то ли кладовой для инвентаря, то ли будкой сторожа, но теперь время и деревенские ветры сделали свое дело: серые от сырости доски рассохлись, а часть шиферной крыши провалилась внутрь.

Внутри царил мягкий полумрак, сквозь щели в стенах пробивались тонкие золотистые лучи июльского заката, в которых медленно кружилась пыль. Ребята обустроили своё убежище с умелой деревенской находчивостью: пол был выстлан чистыми сухими картонами, а в центре стоял перевёрнутый деревянный ящик из-под фруктов, выполнявший роль импровизированного стола. В углу покоился старый автомобильный диван с вылезшим поролоном, на котором с комфортом могли разместиться трое.

Но главным достоянием халабуды был старый металлический сейф с оторванной дверцей, стоявший в самом темном углу сарая. Подойдя к нему, Серёга с гордым видом отодвинул ветхий кусок мешковины, закрывавший нутро металлического ящика, и перед Егором открылся настоящий «сухпаёк» местной компании. Там в образцовом порядке выстроились запасы на случай долгих посиделок: пару пачек семечек, ещё нераспечатанные сухарики со вкусом холодца с хреном, полторашка слегка запылившегося «Саян» и пару банок кваса.

Олег, всё ещё переводя дыхание после погони с Людой, с победным видом указал рукой на сейф и хохотнул:

— Вот она, наша провизионная база! Тут у нас штаб, Егор,

и голодная смерть нам точно не грозит.

— У нас, кстати, сегодня киновечер, занимаем места! — торжественно объявил Олег, водрузив в сам центр деревянного ящика старенький планшет в потертом чехле.

Экран озарился знакомым меню видеоплеера — Олег заранее позаботился о досуге и скачал «Оно» 2017 года с торрентов.

Теперь настала очередь местных гостеприимно угощать москвича. Перед Егором с гордым видом выставили полторашку прохладного кваса, а прямо в руки вручили помятый кулек с семечками и пачку соленого арахиса.

— На, держи, Егор, — с искренней щедростью улыбнулся Серёга, пододвигая ближе пластиковый стакан. — Это тебе не московские попкорны в синема-парках, зато натурально!

Все быстро и привычно расположились по своим местам: Серёга с Олегом и Людой втиснулись на старый автомобильный диван, а Вика опустилась на чистый картон прямо рядом с гостем из Москвы, слегка задев его плечом в тёмном полумраке сарая.

Экран планшета ярко вспыхнул, раздались первые тревожные и мрачные аккорды саундтрека, и на заброшенную халабуду тихо опустился их первый совместный камушковский киносеанс.

После завершения киновечера вся компания дружно выбралась из полумрака халабуды на прохладный свежий воздух. На Камушки уже опустились бархатные июльские су-

мерки, а в небе зажглись первые яркие звёзды.

Ребята шумной и весёлой гурьбой проводили Егора прямо до резной калитки бабушкиного дома. Олег, Серёга, Люда и Вика по очереди попрощались с новым московским другом и наперебой пообещали обязательно зайти за ним завтра с самого утра, чтобы показать остальные секретные места деревни.

Егор ещё какое-то время стоял у входа, провожая взглядом уходящую по тёмной просёлочной дороге компанию и слушая их затихающий смех. На душе у юного столичного гостя было необычайно тепло и спокойно. Улыбнувшись своим мыслям, он тихонько толкнул калитку и вошёл во двор.

Глава 5

Егор проснулся с удивительным чувством лёгкости. Согретая солнечными лучами комнатка на чердаке больше не казалась ссылкой, а утренний деревенский воздух бодрил лучше любого московского рафа.

Не спеша потянувшись, парень спустился по деревянной лестнице вниз. В гостиной царила тишина, нарушаемая лишь размеренным тиканьем часов. На диване аккуратно лежала бабушкина гитара. Егор подошёл, бережно взял инструмент за гриф, опустился на край мягкого дивана и привычным движением положил деку на колено. Пальцы сами нашли нужный лад, и по комнате поплыли чистые, немного грустные аккорды.

Егор прикрыл глаза и тихо запел:

Впусти меня, океан
Мне некуда больше идти
Меня никому не найти
Следы мои скроет туман...

Голос звучал мягко и объёмно, отражаясь от полированных дверок старого книжного шкафа. В дверях гостиной бесшумно появилась Евгения Константиновна. Памятуя вчерашний вечер, она замерла на пороге, прижав руки к груди, и не стала прерывать внука.

Когда последний аккорд плавно угас и Егор мягко сжал

струны ладонью, бабушка светло улыбнулась и натёртым годами педагогическим тоном нарушила тишину:

— Пойдём кушать, Егорушка. А потом сходишь за водой?

— Ага, — с легким вздохом, но уже без былого сопротивления отозвался парень, аккуратно возвращая гитару на диван.

За столом на кухне Евгения Константиновна щедро наложила внуку горячих вареников.

— Как вчера прошёл вечер с новыми друзьями? — спросила она.

— Неплохо, с Божьей помощью, — ответил Егор, отправляя в рот первый вареник.

— Не упоминай имя Бога всуе, — тут же ответила бабушка, одарив внука своим фирменным строгим взглядом бывшего директора.

— Извините, — уперев взгляд в тарелку и проворно орудуя вилкой, продолжил есть Егор. — На самом деле... простецкие обычные ребята, без понтов.

— Ишь ты. Простецкие! Да вы, батенька, сноб, — с ухмылкой произнесла Евгения Константиновна, качая головой.

— Да не, я не в этом смысле! — поспешно замахал вилкой парень, слегка смутившись.

— Знаешь, порой простые душевные ребята куда лучше любых интеллектуалов, — тепло заметила бабушка, пододвигая ближе пиалу со сметаной.

— Ну, поживём — увидим, — с лёгким скепсисом подытожил Егор, быстро расправившись с завтраком.

Парень вылез из-за стола, благодарно кивнул и подхватил оцинкованные вёдра у порога:

— Ладно, я за водой.

Егор вышел на улицу, поёжившись от утренней прохлады, и привычно направился к синей чугунной колонке. На этот раз орудовать тяжелым рычагом получалось куда увереннее, чем вчера. С колодезным чудовищем удалось быстро найти общий язык, и упругая ледяная струя сочным гулом заполнила первое ведро до самых краёв.

Только парень переставил второе ведро под носик, как за спиной раздались знакомые шаги.

— Привет, москвич! — бодро окликнул его Олег, возникая рядом с неизменной широкой улыбкой.

— Привет, камушковец, — ухмыльнулся Егор, вытирая мокрую ладонь о джинсы.

— Слушай, ты же у нас прошаренный... Ты в GTA 5 играл? — с подлинным исследовательским интересом спросил Олег, уперев руки в бока.

— Было дело, — лаконично отозвался Егор, берясь за качалку.

— Да оставь ты это, сейчас сам тебе наберу, — Олег с дружеской бесцеремонностью отодвинул Егора плечом и легко, ритмично нажал на рычаг. Вода шумным потоком хлынула во второе ведро. Повисла пауза на пару секунд, после чего

Олег понизил голос и интригующе выдал: — Слушай... а ты знал, что в GTA 5 можно в стрипуху заезжать?

Егор едва сдержал улыбку, глядя на этот сияющий от собственной осведомлённости взгляд:

— Это все знают, Олег.

— Круто, скажи, да? — ничуть не смутившись, восхитился тот.

— Неплохо.

— Скоро, кстати, шестая выйдет! — с видом знатока добавил Олег, качнув своим лакированным ирокезом.

— Олег, ты прямо настоящий инсайдер. Я в курсе.

— Ну ладно, — сменил тему Олег, заполняя ведро до самого верха и ловко отпуская рычаг. — Я чего подошёл-то... Пойдёшь с нами вечером шашлыки жарить?

Егор окинул взглядом полные вёдра, затем посмотрел на Олега и с лёгким сомнением приподнял бровь:

— Заманчивое предложение... Только я делать ничего не умею. Если только картонкой над углями махать.

— Да ладно, — задорно махнул рукой Олег. — Мы с Серёгой научим!

На самом деле в глубине души Егор был искренне рад такой перспективе. Возможность выбраться в лес и хоть как-то разнообразить свой сельский досуг заманчиво грела душу, так что парень подхватил тяжеленные вёдра уже с совершенно другим настроением.

Сжав пальцами металлические дужки и старательно дер-

жа равновесие, чтобы не выплеснуть ледяную воду на свои сиреневые «конверсы», он уверенным шагом отправился обратно к дому.

Толкнув ногой калитку и занеся оцинкованную тару во двор, парень с победным выдохом опустил её на траву возле крыльца. Шагнув в прохладу прихожей, он сразу позвал бабушку:

— Баб! Есть ещё на сегодня какие-нибудь поручения? Давай всё, что надо, сделаю прямо сейчас, до вечера!

Евгения Константиновна высунулась из кухни с кухонным полотенцем в руках, критически оглядела внука и приподняла бровь с лёгким педагогическим прищуром:

— Это с чего это у нас вдруг такой небывалый трудовой порыв, Егор Алексеевич?

— Да просто у меня на вечер интересные планы намечаются, — с лёгкой ухмылкой признался парень, поправляя воротник своей жёлто-коричневой рубашки. — Собираемся с ребятами в лес пойти, шашлыки жарить. Так что хочу расправиться со всеми делами заранее, чтобы потом быть абсолютно свободным человеком.

Евгения Константиновна с присущим ей многолетним педагогическим чутьём просто не могла упустить такой небывалый шанс. Увидев искренний энтузиазм внука, она мгновенно решила выжать из этого порыва максимальную пользу для камушковского хозяйства.

Список поручений образовался буквально на лету: сперва

Егору предписывалось отправиться в теплицу и аккуратно, уже с учётом вчерашних граблей и без падений на скользких досках, пролить под корень все грядки с помидорами и огурцами. Следом за этим шла суровая физическая нагрузка — перенести тяжеленные баки с водой для хозяйственных нужд. Ну а в качестве финала бывшая директриса велела столичному гостю навести безупречный порядок у себя в комнате на чердаке: вытряхнуть покрывало, протереть пыль на столике и убрать разбросанные вещи.

Понимая, что на кону стоят вечерние шашлыки в лесу с новой компанией, Егор вздохнул, засучил рукава своей жёлто-коричневой клетчатой рубашки и без единого слова протеста включил режим максимальной продуктивности.

Вся эта суровая трудотерапия заняла у юного москвича ровно два часа. Зато к двенадцати часам дня все агрономические и бытовые нормы были перевыполнены на ура: теплица благоухала влажной землёй, баки стояли полными, а чердачный «лофт» выглядел чистым и опрятным.

Уставший, но безмерно довольный собой Егор со спокойной совестью поднялся к себе на чердак, бессильно рухнул на мягкую кровать и выудил из кармана смартфон. Вытянув гудящие ноги, парень с головой погрузился в привычный мир TikTok, с удовольствием листая бесконечную ленту со смешными роликами и мемами в предвкушении вечернего похода.

— Слушай, Егорушка, а чем вы там заниматься-то буде-

те? — заглянув в светлую комнатку на чердаке, поинтересовалась Евгения Константиновна.

Егор поставил очередной ролик в TikTok на паузу и лениво повернул голову от экрана:

— Чем-чем? Ну, шашлыки жарить.

— Так ты же не умеешь! — со сдержанной улыбкой качнула головой бабушка.

— Ну, ладно, не умею, — с легкой ухмылкой пожал плечами парень, удобно поправляя подушку. — Тогда буду создавать атмосферу!

— И каким же это образом, интересно?

— Хм... Дай-ка подумать, — Егор на секунду замер, а затем его глаза задорно блеснули. — М-м-м, баб... А можно я гитару с собой возьму?

— Ишь ты! — с лукавой ухмылкой приподняла бровь Евгения Константиновна. — Что, девочек хочешь впечатлить?

— Да нет... Так просто, для души поиграть, — слегка смутившись, открестился Егор.

— Ну хорошо, бери, — тепло улыбнулась бывшая директриса, разворачиваясь к лестнице. — Инструменту только на пользу.

С непривычки после утомительного физического труда Егор даже не заметил, как погрузился в глубокий сон. Глаза слиплись сами собой прямо под шуршание очередного ролика в TikTok.

Проснулся он около семи часов вечера, но спросонья даже

не взглянул на экран телефона. Сладко потянувшись, парень посмотрел в окно — за стёклами всё ещё стоял мягкий свет, хотя внутри зашевелилось смутное предчувствие: казалось, что на часах от силы часа три дня. Чтобы окончательно развеять сомнения, Егор спустился вниз и окликнул бабушку:

— Баб, а который час?

— Да начало восьмого уже, Егорушка, — спокоенехонько отозвалась из кухни Евгения Константиновна.

Парень замер на месте. Семь вечера! В голове мгновенно вспыхнула паника: он же катастрофически опаздывает на встречу! Не теряя ни секунды, Егор подхватил бабушкину гитару и на всех парах рванул в сторону леса.

Спустя двадцать минут интенсивного бега по просёлочной дороге и лесной тропинке, едва переводя дыхание и сшибая сиреневыми «конверсами» вечернюю росу, парень выскочил на уютную поляну. Над костром высился дымок, а в воздухе витал сумасшедший, аппетитный аромат жареного мяса.

— О, явился, не запылился! — с улыбкой встретила его Люда, упирая руки в бока. — А мы уже почти всё сделали.

— Извините... проспал, — смущённо выдохнул Егор, утирая лбом пот и аккуратно опустив гитару на сухую траву.

— Ничего себе у вас, москвичей, режим дня — до семи часов спите! — хихикнула Вика, задорно глядя на растрёпанного и запыхавшегося гостя.

— Да ладно вам, девчонки, заработался парень. Я сам с

утра видел, как он бабе Жене по хозяйству помогал, — вступился Серёга. Здоровяк аккуратно переложил сочную последнюю порцию шашлыков с шампуров на большую пластиковую тарелку и с добродушной улыбкой кивнул Егору:
— Давай, садись, угощайся!

В этот момент Олег заметил прислоненный к бревну инструмент.

— О, ты ещё и с гитарой! А ну-ка, дай-ка! — задорно выкликнул первый парень на деревне.

Олег ловко подхватил гитару, пристроил её на колено и с самым победоносным видом выдал до боли знакомый и до боли легкий рифф из «Seven Nation Army» группы The White Stripes.

— Ого, крутяк, Олеж! — искренне восхитилась Люда, зааплодировав.

— Давай теперь ты, москвич, — с абсолютной уверенностью и лёгким вызовом в голосе произнёс Олег, передавая инструмент хозяину.

Егор улыбнулся, удобно уселся на мягкую траву у разгорающегося костра и положил деку на колено. Пальцы пробежались по грифу, проверяя строй. По лесной поляне поплыли чистые, бережные аккорды. Забыв о недавнем беге и усталости, Егор поджал губы, прикрыл глаза и тихо, проникновенно запел:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.